

—

«В этом году урожай был обычным, ни плохим, ни хорошим. Если судить по прошлогоднему налогу, крестьяне еще смогут прожить».

Во второй половине дня солнце уже опустилось за гребень горы, а ужин в доме семьи Цзи уже давно был готов.

Когда солнце скрылось и стало прохладно, подул приятный ветерок, и вся семья ужинала под деревом во дворе.

Цзи Янцзун и Хуан Иньшэн выпили по паре чарок рисового вина, поговорили о том, о сем, от сбора лекарственных трав перешли к осеннему урожаю.

В последние годы налоги росли, и крестьянам жилось трудно.

Видя, что война на севере в этом году закончилась, они не знали, удастся ли снизить налоги.

«Пока чиновники из областной управы не придут, никто не знает, какой будет урожайный налог в этом году. Не только налог на крестьянский урожай растет, но и налог на торговлю становится все более непомерным, торговцы в городе каждый день беспокоятся».

Хуан Иньшэн вздохнул. В наши дни и крестьянам, и торговцам трудно, поэтому все больше людей стремятся стать чиновниками.

Цзи Янцзун налил Хуан Иньшэну вина и сказал: «Хорошо, что Юй Эрлан стал цзюйжэнем, в будущем у него будет право на освобождение от налогов. Когда Сяо Таоцзы и семья Юй поженятся, и мы получим от этого выгоду».

Говоря об этом, Цзи Янцзун не мог скрыть радости. Сейчас нужно было платить четыре десятых налога двору, почти половину годового урожая. Возможность избежать этих четырех десятых была сродни радостному сну.

«Тогда он будет нашим зятем, и медицинская лавка тестя, конечно, тоже получит поддержку».

Хуан Иньшэн, услышав это, не последовал радости Цзи Янцзуна. Напротив, он отложил палочки и взглянул на Цзи Таоюя, сидевшего рядом с Хуан Маньцзин и уткнувшегося в еду.

Он сказал Цзи Янцзуну: «Ты хочешь сказать, что хочешь устроить свадьбу Сяо Таоцзы до того,

как сверху придут собирать налоги?»

«Хотя цель несколько определена, этот брак давно был обещан, и рано или поздно он должен состояться».

«После осеннего урожая денег станет больше, это как раз время для важных дел в деревне, и у односельчан не будет много разговоров. К тому же четыре десятых налога – немалая сумма. Если семья в этом году не заплатит эти четыре десятых, можно будет иметь на десять даней зерна больше. Почему бы не устроить свадьбу пораньше?»

Хуан Иньшэн вздохнул, глядя на Цзи Таоюя, который все еще уткнулся в еду: «Я знаю, что ты слушаешь. Расскажи, какие у тебя мысли?»

Таоюй поднял голову, проглотил мясо, которое было у него во рту, и увидел, что все трое за столом смотрят на него.

Его лицо слегка покраснело, и он сказал: «Воля родителей, слово свата. Я слушаюсь отца».

«Раз уж ты не против, мне тоже нечего сказать. В последние годы постоянно находятся люди с недобрыми намерениями, которые строят планы в отношении Сяо Таоцзы. К счастью, о браке договорились рано, и Юй Эрлан добился успеха, получив ученое звание, только так можно было отпугнуть тех, кто замышлял недоброе. Если Сяо Таоцзы поскорее переедет в хорошую семью, это тоже избавит от одного беспокойства».

Сказав это, Хуан Иньшэн снова посмотрел на Цзи Янцзуна и Хуан Маньцзин: «Только одно: нельзя торопиться в дом семьи Юй и настаивать на скорейшем браке. Иначе это вызовет сплетни о Сяо Таоцзы».

Цзи Янцзун засмеялся: «Перед провинциальными экзаменами Юй Эрлан еще говорил мне, что если он попадет в список на этот раз, то придет в дом, чтобы просить руки. Наверное, этот парень уже готовится, нам не нужно много говорить».

На лице Хуан Иньшэна появилась улыбка: «Все, давайте есть».

После ужина Хуан Иньшэн уехал в город на ослиной телеге. Цзи Таоюй и Цзи Янцзун вместе проводили его до главной дороги деревни, а затем вернулись.

Цзи Янцзун смотрел на маленького гера рядом с собой, который теперь был ему по ухо, словно только вчера он едва доставал ему до колена. Он шел, заложив руки за спину, при свете заходящего солнца, чувствуя радость.

«Готовь солдат тысячу дней, используй их в час. В эти годы родители не жалели средств для семьи Юй. С тех пор, как Юй Эрлан стал учеником, мы постоянно посылали ему книги и

письменные принадлежности, а также приложили усилия, чтобы устроить его в лучшую академию в городе. Не будет преувеличением сказать, что мы растили его как своего сына».

«Через пару дней семья Юй будет устраивать пир в честь праздника, тогда и узнаешь, когда будет твоя свадьба».

Цзи Таоюй шел по высохшим глиняным бугоркам, слушая, как отец ворчит. Он думал о том, что скоро переедет в чужой дом, и в душе у него было какое-то неопишуемое чувство.

Хотя Юй Эрлан был образованным и воспитанным, и он видел его не раз и не два, но из-за приличий они никогда не были слишком близки и не проводили много времени вместе. В сердце его не было полного спокойствия.

В его сердце не было особой радости от предстоящей свадьбы, напротив, он думал о чем-то другом, поэтому просто тихо отвечал отцу.

Цзи Янцзун заметил, что Таоюй, кажется, не в духе, и только собирался спросить, в чем дело, как они вошли во двор, и вдруг их прервал пронзительный крик.

«Староста, госпожа Хуан, я пришла с нашим никудышным Ся гером просить прощения у Тао гера!»

«Что случилось?»

Цзи Янцзун, увидев мать и сына из семьи Юй с покрасневшими глазами, в недоумении посмотрел на Хуан Маньцзин.

«Я тоже не знаю».

Напротив, Таоюй, стоявший рядом, увидев пришедших мать и сына, брови его слегка дрогнули. Он не ожидал, что госпожа Сунь прямо приведет Юй Ся к его родителям, чтобы извиниться.

Прежде чем Ся гер успел заговорить, госпожа Сунь первой строго упрекнула его: «Встань на колени!»

Гер из семьи Юй, вытирая глаза, упал на колени перед Цзи Таоюем. Госпожа Сунь сказала: «И хорошенько извинись перед Тао гером».

Юй Ся под несколькими парами глаз чувствовал сильное унижение. Гер с тонкой кожей, он чувствовал, как все его тело горит.

Он не смел смотреть на Цзи Таоюя, мог только опустить голову и со слезами в голосе сказать:

«Тао гер, я не должен был заставлять тебя падать в воду в тот день. Это моя вина, что я был таким глупым. В тот момент, когда ты упал в воду, мне тоже стало очень страшно, но было так много народу, что меня сразу же оттеснили. Когда я вернулся, я увидел, что тебя, к счастью, уже спасли».

«Мне было очень страшно, я не мог есть, пить и спать, а чем больше думал, тем больше раскаивался. Сегодня я пришел к тебе, чтобы извиниться, это моя вина».

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин тут же поняли причину и невольно вздрогнули.

«Как ты мог так поступить, ребенок! У Тао гера с детства слабое здоровье, ты, столкнув его в воду, разве не хотел его убить!»

Хуан Маньцзин в ярости, не заботясь о привычном обращении к односельчанке, прямо крикнула, обвиняя его.

Брови Цзи Янцзуна тоже нахмурились: «Это просто недопустимо! Двое людей, которые ладили и вместе поехали в город, как ты мог сделать такое!»

«Этого ребенка нужно бить и ругать. Когда я узнала, что произошло, я сильно его побила и поругала, думая, что главное - извиниться перед Тао гером. Поэтому я привела его сюда. Это моя вина, что я плохо его воспитала и позволила ему совершить такой аморальный поступок. В будущем я обязательно буду строго следить за его поведением дома».

Госпожа Сунь принесла корзину яиц и двух домашних несущек: «Я знаю, что я виновата перед Тао гером, это небольшой подарок, надеюсь, вы примите его, чтобы он немного поправился. Поскольку Тао гер заболел из-за этого, мы возместим все медицинские расходы».

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин были рассержены, но увидев, что госпожа Сунь искренне приносит извинения и соблюдает все приличия, они на некоторое время не могли строго ее упрекнуть.

Поэтому они повернулись к Таоюю, спрашивая, что он об этом думает.

Таоюй раньше не говорил родителям, опасаясь, что они будут беспокоиться и попадут в затруднительное положение. Он не ожидал, что госпожа Сунь окажется такой умной и прямо придет извиняться в присутствии его родителей. Он решил сказать все начистоту, чтобы не волноваться.

Как тяжело родительское сердце! Похоже, это дело не было подстроено госпожой Сунь.

Он посмотрел на гера, плачущего на коленях на земле, и сказал: «Хоть я все еще цел и невредим стою здесь сейчас в полном порядке, Ся гер не тешь себя мыслью, говоря, что в конечном итоге это мне никак не навредило. Мелкая беда не переросла в большую лишь потому, что меня спас храбрый человек. Ся гер, должно быть, тоже видел, кто меня спас. В дальнейшем прошу не распространяться об этом, чтобы не причинить неприятностей доброму человеку».

«Он обязательно не будет болтать, это ведь его вина!»

Цзи Таоюй взглянул на госпожу Сунь, которая поспешно защищала Юй Ся. Госпожа Сунь, увидев его взгляд, смущенно замолчала.

«Я... я понял, об этом деле больше никто не узнает».

Юй Ся осторожно сказал: «В будущем... в будущем у меня тоже не будет никаких нежелательных мыслей».

«Если так, то больше нечего говорить. Ся гер, вставай».

«Спасибо, Тао гер, за великодушие».

Госпожа Сунь, увидев, что Таоюй не цепляется за это дело, облегченно вздохнула и, подойдя, подняла Юй Ся.

Хуан Маньцзин же, жалея своего ребенка, сказала: «Госпожа Сунь, обычно наши семьи живут в мире. В будущем я надеюсь, что вы хорошо будете присматривать за Ся гером. Сегодня он может совершить такой злой поступок. Мы, односельчане, часто общаемся и можем договориться, но если он выйдет замуж, и у него будет такой характер, трудно гарантировать, что он не потерпит больших потерь».

Лицо госпожи Сунь горело, она очень стыдилась, услышав эти слова, но могла только согласиться: «Да, госпожа Хуан права. В будущем я обязательно буду уделять больше внимания воспитанию этого ребенка».

После ухода матери и сына из семьи Юй, Цзи Янцзун закрыл ворота двора, повернулся и посмотрел на гера, сидящего под навесом. Он был одновременно зол и беспомощен: «Почему ты не сказал об этом родителям раньше? Дал им над тобой издеваться. Если бы я знал раньше, я бы пошел к семье Юй. А так они пришли вдвоем, плакали и опозорились».

«Да! Я думала, ты случайно упал, а это, оказывается, сделал ребенок семьи Юй. А ведь утром он еще звал тебя в город. Если бы я знала, ни за что не пустила бы тебя».

Хуан Маньцзин очень боялась.

«Я сказал бы вам, и вы бы пошли к семье Юй объясниться, чтобы вся деревня узнала, что я упал в воду и меня вытащили? Если семья Юй не признает, что это он толкнул, и будет настаивать, что я сам упал, боюсь, односельчане подумают, что вы, пользуясь статусом старосты, притесняют односельчан. Ни по справедливости, ни по репутации ничего хорошего не вышло бы».

«Сначала я тоже очень разозлился, но, успокоившись и хорошенько все обдумав, понял, что импульсивный поиск справедливости в итоге обернется большими потерями, поэтому я сначала намекнул госпоже Сунь и посмотрел на ее реакцию. Если бы она притворилась, что ничего не произошло, я бы знал, что за люди ее семья, и тогда, конечно, сказал бы вам поступать в дальнейшем, как считаете нужным. Если же она вернется, отругает Юй Ся и приведет его извиняться, это значит, что она все еще порядочный человек».

Цзи Янцзун и Хуан Маньцзин, поразмыслив, согласились. С одной стороны, они восхищались пронцательностью Таоюя и его продуманностью, но с другой стороны, все равно чувствовали себя так, будто их обманули.

«Хотя это так, в будущем мы ни за что не позволим семье Юй так легко отделаться».

«Папа, ты староста, как ты можешь так говорить? Виноват Юй Ся, а госпожа Сунь и дядя Юй обычно честные люди, не нужно злиться на их семью. Причина, по которой Юй Ся совершил такой злонамеренный поступок, несомненно, кроется в Юй Эрлане».

Цзи Янцзун, услышав это, прозрел, а затем вздохнул: «Раньше я часто видел, как Юй Ся ходит к семье Юй, оказывается, у него были такие мысли. Так нельзя, этот брак нельзя откладывать».

—

<http://bllate.org/book/14480/1281169>